

ОПАСНЫЙ СИМПТОМЪ.

(Окончаніе) ¹⁾.

Авторъ можетъ возразить, что «офицеры-воспитатели дежурятъ черезъ 2 дня въ третій, что педагогическая работа вся основана на нервахъ и т. д.» Что же дѣлать? Каждая медаль имѣетъ свою обратную сторону. Знаете ее—не беритесь быть воспитателемъ и, скажу прямо, честный работникъ и не возьмется, ибо онъ честный, и останется при своемъ дѣлѣ, хотя бы впереди и не мечталъ даже о фельдмаршалствѣ. Теперь и офицеру въ строю приходится не мало работать нервами, ибо отъ него требуется быть не только учителемъ, но и воспитателемъ солдата.

Если воспитатель и не получаетъ движенія впередъ, если его содержаніе не увеличивается по мѣрѣ повышенія въ чинахъ, то вѣдь, строго говоря, и его работа не увеличивается, а остается тою же и даже облегчается: по мѣрѣ приобрѣтенія опыта, успѣхъ работы достигается легче, ибо, говоря словами автора, «машина нала-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», 1913 г., № 7.

жена» и то, что вначалѣ требовало и напряженія и вниманія, съ теченіемъ времени достигается болѣе легко...

Слова о «самочувствіи подполковника въ строю, если бы ему пришлось командовать все время, начиная съ чина подпоручика взводомъ», фраза, не болѣе, и притомъ весьма не убѣдительная. Если бы офицеру пришлось командовать все время взводомъ, онъ и не былъ бы подполковникомъ и командиромъ баталіона; если бы было установлено, что взводами командовали бы подполковники, то врядъ ли ихъ самочувствіе было бы иное, чѣмъ у подпоручиковъ.

И въ корпусѣ дѣльный воспитатель не вѣчно остается на своей должности, а занимаетъ должность и командира роты, становясь въ роль руководителя болѣе молодыхъ и менѣе опытныхъ офицеровъ-воспитателей. Это почетная и въ высшей степени отвѣтственная роль, хотя быть можетъ и не приводящая ни къ особымъ матеріальнымъ, ни къ служебнымъ преимуществамъ. Такъ вѣдь нужно признать, что и въ строю, въ рядахъ арміи, неизмѣримо большее число порой незаурядныхъ работниковъ никогда не увидитъ должности не только полкового, но и даже и баталіоннаго командира, и сотнями уходитъ въ отставку съ пенсіей капитановъ и подполковниковъ. Здѣсь, въ строю, повышение въ чинахъ влечетъ за собой и повышение въ должностяхъ и расширеніе круга правъ и обязанностей—строевыхъ, хозяйственныхъ и дисциплинарныхъ. Это объясняется весьма понятнымъ соображеніемъ, что чѣмъ больше число людей, чѣмъ больше войсковая единица, тѣмъ болѣе трудныя задачи ей приходится выполнять въ бою, тѣмъ труднѣе ея управлять, тѣмъ болѣе авторитетъ власти и болѣе служебный опытъ требуется дать лицу, коему она ввѣрена.

Въ дѣлѣ воспитанія дѣтей иное; здѣсь одна цѣль, одно стремленіе—правильно развить всѣ духовныя и физическія силы ребенка и сдѣлать изъ него человѣка; слѣдовательно, будетъ ли офицеръ-воспитатель подполковникъ или штабсъ-капитанъ, сущность его обязанностей одинакова; будетъ ли ему поручено 10 или 30—35 дѣтей, нужны то же разумное примѣненіе принциповъ воспитанія и нравственный авторитетъ личности воспитателя, какъ для малыхъ, такъ и для взрослыхъ дѣтей, съ тѣмъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы въ его воспитательныхъ приѣмахъ не было ничего шаблоннаго, «машиннаго», а чтобы эти приѣмы разумно видоизмѣнялись въ зависимости отъ возраста и индивидуальныхъ особенно-

стей воспитанниковъ. Конечно, чѣмъ послѣднихъ больше, тѣмъ работа воспитателя труднѣе, если только онъ будетъ воспитывать, а не огульно надзирать и дресировать ихъ. Крайне желательно и безусловно необходимо уменьшить численность отдѣленій, но это уже другой вопросъ...

И конецъ статьи не даетъ точнаго отвѣта—какъ же уничтожить некомплектъ офицеровъ-воспитателей? «Прежде стремились въ корпуса потому, что у насъ было лучше, туда шли охотно, но это развивало спортъ: переходили въ корпуса, чтобы, обогнавъ товарищей въ чинахъ, вновь вернуться въ строй», т.-е. такимъ образомъ создать себѣ карьеру и удовлетворить «честолюбивымъ стремленіямъ»; теперь въ строю лучше, поэтому никому нѣтъ охоты идти въ корпуса, гдѣ и содержаніе мало и трудъ великъ и «впереди—ничего». Отсюда такой выводъ—такъ какъ воспитателей подвижниковъ, которые хотя рѣдко, но идутъ въ корпуса, теперь мало, то... надо же *чѣмъ нибудь* (чѣмъ же и какъ именно, въ этомъ вся суть) привлечь сюда «честныхъ работниковъ, знающихъ свое дѣло и себѣ *цѣну*, которые добросовѣстно выполнять свои обязанности, если ихъ на себя примутъ».

Такъ какъ основная цѣль статьи доказать необходимость привлечь въ корпуса честныхъ работниковъ, «знающихъ себѣ *цѣну*» и «честолюбивыхъ», надо полагать, *путемъ увеличенія матеріальныхъ и служебныхъ выгодъ*, то есть полное основаніе поставить вопросъ: а не возродится ли опять тотъ же спортъ, не будутъ ли «знающіе себѣ» *цѣну* воспитатели, черезъ извѣстное число лѣтъ, находить, что ихъ мало *цѣнятъ*, а въ такомъ случаѣ, не рѣшатъ ли, что «честно исполнили принятыя на себя обязанности и могутъ вновь вернуться въ строй и тамъ поискать болѣе широкаго поприща для своего честолюбія? Но, если они пробыли въ корпусѣ хотя 5—7 лѣтъ, то, пожалуй, поотстанутъ и отъ строя, а тогда болѣе чѣмъ вѣроятно, что и корпуса и армія только проиграютъ отъ этихъ будущихъ фельдмаршаловъ. Возможно, что послѣднихъ изъ нихъ и не выйдетъ, но что въ ряды арміи внесетъ элементъ зависти и другихъ прелестей, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Отсюда не трудно заключить, что предлагаемый способъ привлеченія «лучшихъ» офицеровъ въ корпуса на должности воспитателей представляетъ обоюдоострое средство, уже испытанное на практикѣ.

Для правильнаго рѣшенія воспитательскаго вопроса въ корпу-

сахъ горячо хотѣлось бы вѣрить, что еще не «прошли времена энтузіастовъ воспитательскаго дѣла, что въ рядахъ арміи, да и въ рядахъ русскаго общества, съ пробуждающимся въ немъ чувствомъ національности, еще найдется не мало воспитателей-подвижниковъ, т.-е. людей, по любви, по призванію, берущихся за дѣло воспитанія нашей военной молодежи. Дать имъ возможность широко и основательно подготовить себя къ трудному подвигу служенія Царю и Родинѣ на этомъ поприщѣ, открыть имъ широкій путь въ корпуса, это значить рѣшить воспитательскій вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ условій подготовки будущихъ офицеровъ арміи...

Кадетскіе корпуса и военные училища, готовя будущихъ офицеровъ, выполняютъ задачу такой государственной важности, въ сравненіе съ которой могутъ идти весьма немногія. Тяжелые уроки войны особенно даютъ чувствовать всю важность работы корпусовъ и училищъ. Какъ показываетъ недавнее время, на нихъ не менѣе, чѣмъ на командный составъ арміи, обрушиваются обвиненія въ неумѣлой подготовкѣ офицеровъ и неудачахъ войны, хотя при этомъ большинство забываетъ, что за корпусами и училищами слѣдуетъ еще школа войсковая, въ которой офицеры окончательно формируются, какъ практическіе дѣятели.

Всѣ сознаютъ эту важную задачу корпусовъ и училищъ, всѣ знаютъ, что тѣ и другіе, для выполненія этой задачи, нуждаются въ спеціально-подготовленныхъ работникахъ, что послѣдніе не придутъ сюда ни со стороны, ни изъ другихъ вѣдомствъ, что ихъ не дастъ и армія, ибо, имѣя много своего отвѣтственнаго дѣла, сама нуждается въ хорошихъ работникахъ. Слѣдовательно, военно-учебное вѣдомство должно само позаботиться о подготовкѣ такихъ работниковъ въ большемъ, чѣмъ теперь, числѣ.

Кажется никогда такъ много не говорили и не писали о нашихъ офицерахъ, какъ послѣ неудачной кампаніи 1904 — 1905 гг., никогда такъ дружно не бросали имъ упрековъ въ безличіи, отсутствіи инициативы, халатности отношенія къ дѣлу, въ слабости развитіи духа предпримчивости, самодѣтельности и любознательности. Но очень рѣдко кто останавливается на мысли, что всѣ эти качества не приходятъ къ человѣку сами собой, что они закладываются и развиваются въ немъ всѣмъ характеромъ отношеній воспитателя къ воспитаннику—въ корпусѣ и училищѣ, а на службѣ—начальника къ офицеру.

Серьезнѣйшимъ недостаткомъ нашей арміи признается также, что «офицеры далеко стоятъ отъ нижнихъ чиновъ, чужды имъ, не понимаютъ ихъ духа и склада понятій, а потому не пользуются довѣріемъ и не имѣютъ надлежащаго авторитета». Недостатокъ этотъ объясняютъ потерей связи между школой военной и школой войсковой—арміей, т.-е. постановкой воспитанія и образованія нашей военной молодежи въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ и условіями работы молодыхъ офицеровъ въ войсковыхъ частяхъ. Каждому понятно, насколько важна, какъ въ мирное, такъ, особенно, въ военное время, духовная близость офицера и солдата—этотъ вѣрнѣйшій залогъ успѣховъ арміи на томъ и другомъ поприщѣ.

Послѣ тяжелыхъ неудачъ войны 1904—1905 гг. и подъ вліяніемъ критики нашихъ военныхъ недостатковъ въ обществѣ и печати, естественно явилось желаніе возстановить эту утраченную связь, но, къ сожалѣнію, многіе забываютъ при этомъ—какимъ путемъ устанавливалась она и какъ поддерживалась въ прошломъ; это послѣднее обстоятельство, какъ видно изъ вышесказаннаго, не остается безъ вліянія на характеръ предлагаемыхъ мѣропріятій къ устраненію замѣченныхъ недостатковъ.

Теперь всѣмъ горячо хочется найти и указать причину нашихъ неудачъ и недуговъ и почти всѣ видятъ ее въ недостаткахъ нашего семейнаго и общественнаго воспитанія. Постоянно приходится слышать и читать: «воспитывайте волю», «развивайте характеръ», «духа не угашайте въ молодомъ, подростающемъ поколѣніи», и хочется сказать такъ: дайте же, найдите людей, способныхъ выполнить эту задачу, способныхъ изъ ребенка прежде всего воспитать человѣка. Готовьте, прежде и больше всего, воспитателей, учителей, и не для одной военной, но и для гражданской школы, не жалѣя никакихъ средствъ, никакихъ силъ, ибо тѣ и другія сторицею возвратятъ вамъ въ будущемъ разумно воспитанное поколѣніе... При рѣшеніи вопроса всеннаго воспитанія нерѣдко забываютъ, что это воспитаніе должно имѣть основой общечеловѣческое развитіе, что офицера-воина, въ современномъ смыслѣ этого слова, можно подготовить только тогда, когда въ питомцахъ кадетскихъ корпусовъ будутъ правильно развиты общечеловѣческія способности.

Грустящіе надъ недостатками офицерскаго состава нашей арміи, въ силу сложившихся у нихъ взглядовъ, ищутъ источни-

ковъ этихъ недостатковъ въ постановкѣ дѣла въ корпусахъ и въ военныхъ училищахъ и, какъ это ни странно, желаютъ найти средство исцѣленія отъ болѣзни тамъ, въ школѣ войсковой, гдѣ «постановка дѣла безпросвѣтна»⁶⁾.

Одни⁶⁾ признаютъ, что «не каждый способенъ быть воспитателемъ», и предлагаютъ, чтобы офицеры назначались воспитателями не ранѣе 5 лѣтъ службы въ строю. Если не каждый способенъ къ педагогической дѣятельности, то допускать на должности воспитателей нужно только «способныхъ», а для болѣе широкаго и лучшаго подбора воспитателей не слѣдовало бы ограничивать выбора одними офицерами, окончившими военное училище по первому разряду, но допускать лицъ и другихъ знаній, лишь бы они имѣли соотвѣтствующее образованіе, специально педагогическую подготовку, а главное, обладая безупречными нравственными качествами, шли бы на это дѣло не изъ-за однихъ матеріальныхъ и служебныхъ преимуществъ, а по любви къ дѣлу, по призванію.

Затѣмъ, въ виду признаваемой тѣми же критиками кадетскихъ корпусовъ «безпросвѣтности постановки строевой службы въ арміи, что можетъ дать эта служба, въ смыслѣ педагогической подготовки, офицеру, хотя бы онъ прослужилъ въ строю не пять, а десять лѣтъ? И не лучше ли было бы въ такомъ случаѣ, если бы офицеръ, чувствующій призваніе къ педагогической дѣятельности, послѣ трехъ лѣтъ въ строю, поступалъ въ высшее учебное заведеніе, именно вродѣ военно-педагогической академіи, въ теченіе 2—3 лѣтъ получалъ здѣсь специальную подготовку, да не теоретическую только, а чисто практическую, и затѣмъ уже прикомандировывался къ кадетскому корпусу.

Съ своей стороны я сказалъ бы, что для привлеченія воспитателей въ корпуса нужно шире открыть двери педагогическихъ курсовъ, создать изъ нихъ высшій разсадникъ хорошо подготовленныхъ воспитателей и учителей не для однихъ кадетскихъ корпусовъ, а для всей русской средней школы, поставить ихъ такъ, чтобы оттуда выходили люди не только широко образованные въ научномъ и специально педагогическомъ отношеніи, но и до глубины души проникнутые чувствомъ любви къ родинѣ, къ ея славному прошлому, ко всему родному, которые не стыдились бы быть русскими и только русскими. Пусть туда идутъ молодые и старые офи-

⁶⁾ Д. Парскій. «Что нужно нашей арміи».

перы и лица гражданскія, лишь бы каждый изъ нихъ, по выходѣ съ курсовъ, шелъ на *честную* работу воспитанія и образованія будущихъ поколѣній народа, по любви, по призванію къ этого рода дѣятельности.

Всякому дѣлу съ успѣхомъ можно научиться только на этомъ же дѣлѣ; поэтому, при организаціи высшаго педагогическаго заведенія, необходимо создать и особую школу, въ которой одни практически исполняли бы роль воспитателей, а другіе, предназначившіе себя къ учительской дѣятельности, занимались бы преподаваніемъ. Этимъ путемъ, думается, установился бы правильный взглядъ, что, воспитывая дѣтей, нужно многому ихъ учить, обучая—воспитывать; при разумномъ пониманіи дѣла, одно, неотдѣлимое отъ другого, должно идти рука объ руку; только при этомъ условіи можно достигнуть гармоническаго развитія физическихъ и духовныхъ силъ ребенка и юноши. Незнаніе или непониманіе основнаго правила разумно поставленной школы—прежде развить умъ, образовать сердце, выработать волю воспитанника и только потомъ готовить его къ тому или другому роду дѣятельности, въ зависимости отъ его природныхъ наклонностей и дарованій (и въ теоріи и еще больше въ дѣйствительной жизни)—приводитъ къ весьма печальнымъ результатамъ.

Нынѣ офицеръ, даже молодой, но съ положительнымъ умомъ, твердой волей и характеромъ, способный жить не изо-дня въ день, а ставить себѣ впереди опредѣленную цѣль жизни, зная, что возвратъ въ свою часть для него, если не совсѣмъ закрытъ, то сильно затрудненъ, очень и очень серьезно подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшится перейти на службу въ корпусъ. Если въ его натурѣ имѣются задатки чисто военнаго человѣка, то онъ полюбитъ военную среду, военную—и именно строевую—службу такъ, какъ она есть, со всѣми ея радостями и лишеніями, съ товариществомъ, съ трудомъ и не частымъ отдыхомъ, съ движеніемъ, перемѣной мѣстъ и впечатлѣній, особенно лѣтомъ, словомъ со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, и никогда не промѣняетъ на хотя бы болѣе спокойную и лучше обезпеченную, но однообразную, малоподвижную службу воспитателя въ корпусѣ.

Имѣя это въ виду, можно сказать, что, если офицеръ рѣшится оставить строй и поискать другого рода дѣятельности, то не по тому что за пять лѣтъ онъ дастъ себѣ ясный отчетъ, что его ожидаетъ въ строю, а быть можетъ много ранѣе рѣшить другой, болѣе

важный, вопросъ—оцѣнить и хорошо пойметъ, что строевая служба ему не по душѣ, что сердце его не лежитъ къ ней. Разъ это наступитъ, онъ будетъ искать выхода изъ своего положенія и рано или поздно, а сбѣжить изъ арміи. Куда—все равно, но сбѣжить непремѣнно...

Вотъ, если при этихъ условіяхъ у него явится твердое, сознательное желаніе послужить на пользу родной арміи на воспитательскомъ поприщѣ, то можно съ увѣренностью сказать, что онъ избретъ именно его, а не службу на желѣзной дорогѣ, въ банкѣ, въ конторѣ, въ полиціи и т. п. Это будетъ дѣйствительно офицеръ-«воспитатель»: его не остановятъ и меньшія преимущества службы въ корпусѣ, разъ онъ почувствуетъ, что именно здѣсь, работая надъ воспитаніемъ дѣтей и юношей, онъ найдетъ себѣ дѣло по душѣ.

Помочь такому стремленію офицера, дать ему возможность хорошо подготовиться къ предстоящей работѣ, значить открыть широкой доступъ въ корпуса лучшимъ офицерамъ - воспитателямъ.

Отсюда не трудно понять, что было бы много лучше, если бы будущіе офицеры воспитатели до прикомандированія къ корпусу получали основательную педагогическую подготовку въ высшемъ педагогическомъ учебномъ заведеніи, подъ руководствомъ лицъ, теоретически и практически опытныхъ въ дѣлѣ воспитанія. Только при этомъ условіи и можно разсчитывать дать корпусамъ такихъ воспитателей, которые будутъ обладать единствомъ взглядовъ на воспитаніе дѣтей, а послѣдніе будутъ избавлены отъ разнаго рода экспериментовъ надъ собой. Врядъ ли можно сомнѣваться, что при такомъ единствѣ взглядовъ кадеты, по окончаніи курса, будутъ выходить одинаково подготовленными въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, а это неизбѣжно отразится въ будущемъ и на подготовкѣ юнкеровъ въ военныхъ училищахъ и на однородности, по духовнымъ качествамъ, офицерскаго состава арміи, объ отсутствіи чего теперь такъ много говорятъ и еще больше пишутъ.

Но для достиженія этого необходимо, чтобы офицеры сами прошли образовательную и воспитательную подготовку *повыше* военно-училищной. Окончаніе военнаго училища по первому разряду и пять лѣтъ службы въ строю далеко не обезпечиваютъ, ни той, ни другой. Нельзя забывать, что лучшіе изъ кадетъ, по окон-

чаніи корпуса уходятъ въ высшія гражданскія учебныя заведенія и въ спеціальныя военныя училища, а потомъ—въ академіи; въ военныя же училища поступаетъ элементъ только средній или слабый по научной подготовкѣ, что доказывается постояннымъ изъ года въ годъ пониженіемъ оцѣнки по разрядамъ выпускныхъ юнкеровъ. Прислушиваясь къ отзывамъ печати по поводу большого процента лучшихъ изъ выпускныхъ кадетъ, отказывающихся отъ военной карьеры, въ виду указаній, что это печальное явленіе съ каждымъ годомъ принимаетъ все болѣе и болѣе тревожный характеръ и что почти нѣтъ средствъ удержать молодежь на военной службѣ, нельзя не согласиться, что, пожалуй, и лучше дать свободный выходъ этой молодежи—куда она желаетъ выйти, куда влечетъ ее внутреннее настроеніе, нежели удерживать въ рядахъ арміи и увеличивать въ послѣдней элементъ недовольныхъ или «отбывателей номера». Но, съ другой стороны, нельзя не прислушаться и къ голосамъ самихъ дѣятелей на военно-педагогическомъ поприщѣ, что значительная доля вины въ указанномъ печальномъ явленіи падаетъ на воспитательскій составъ кадетскихъ корпусовъ, который семь лѣтъ ведетъ воспитаніе молодого человѣка и не можетъ развить въ немъ глубокой привязанности къ воинскому званію, приготовить вѣрнаго слугу Царя и родины. Если это такъ, то думается, не однимъ подъемомъ чисто строевой подготовки самихъ офицеровъ, не однимъ усиленіемъ строевыхъ занятій въ корпусахъ, воспитатели въ состояніи будутъ создать такое настроеніе въ среднемъ и слабомъ элементѣ кадетъ, поступающихъ въ военныя училища; это возможно лишь тогда, когда въ нихъ самихъ и эти качества и ихъ образовательный и воспитательный уровень будутъ стоять на нной высотѣ, чѣмъ они стоятъ теперь въ средѣ строевыхъ офицеровъ арміи, изъ коихъ и пополняется учебно-воспитательскій составъ корпусовъ. Пять лѣтъ службы въ строю едва ли особенно поднимутъ научную подготовку офицеровъ. Лучшие изъ нихъ стремятся подготовиться въ академіи; болѣе заваленные работой, они едва ли успѣютъ и сумѣютъ расширить свое образованіе за предѣлы чтенія кое-какихъ газетъ и журналовъ, сложенныхъ на столахъ въ читальной комнатѣ офицерскихъ собраній, да кое-какихъ сочиненій по спеціально военнымъ знаніямъ, къ тому же выписываемыхъ безъ строгаго выбора и безъ всякой системы.

Изъ сказаннаго, смѣю думать, ясно насколько необходимо дать офицеру, пожелавшему избрать педагогическую дѣятельность, воз-

возможность расширить (полученное въ военномъ училищѣ и изрядно забытое за 5 лѣтъ службы въ строю) образованіе, и главное, не въ узкихъ рамкахъ курса кадетскаго корпуса, а много шире, и по спеціальнымъ отраслямъ знаній, необходимыхъ для разумнаго веденія воспитанія дѣтей. Короче говоря, чтобы корпуса успѣшно выполняли возложенную на нихъ задачу (образовательную подготовку и воспитаніе кадетъ въ военномъ духѣ), офицеры-воспитатели должны быть *отборными*, какъ по образованію, такъ по воспитанію вообще и по военному въ особенности, что должно повѣряться лицами компетентными.

При такомъ испытаніи на поступленіе въ высшее педагогическое заведеніе, или даже въ простой, обстоятельной бесѣдѣ съ руководителемъ его, офицеру придется доказать, что онъ дѣйствительно обладаетъ основательными знаніями, научной подготовкой, умственнымъ развитіемъ и начитанностью; наконецъ, и послѣ того теоретическія занятія и практическая работа въ дѣлѣ воспитанія, подъ наблюденіемъ опытныхъ руководителей въ теченіе 2—3 лѣтъ, лучше опредѣлили бы дѣйствительно ли способенъ онъ быть воспитателемъ. Такъ подготовленный, такой искусъ прошедшій офицеръ полнѣе докажетъ твердое, сознательное желаніе работать на педагогическомъ поприщѣ.

Не только теоретическія, но и чисто практическія соображенія, опытъ жизни, говорятъ именно за такой порядокъ подготовки будущихъ офицеровъ-воспитателей. Чтобы быть хорошимъ практическимъ работникомъ въ какой либо дѣятельности, нужно многое изучить теоретически, чтобы не дѣлать тѣхъ ошибокъ, которыя дѣлались предыдущими работниками. Если инженеру, технику, артиллеристу, нужно многое изучить въ теоріи, чтобы быть хорошимъ практикомъ, тѣмъ болѣе этотъ путь необходимъ для человѣка, избирающаго педагогическую дѣятельность. Если имъ необходимо всесторонне изучить предметы ихъ будущей практической работы, то воспитателю, въ будущемъ работающему надъ живой воспріимчивой природой дѣтей, нужно хорошо изучить и твердо знать законы развитія ребенка и юноши съ первыхъ дней и до того времени, когда изъ нихъ долженъ выйти человѣкъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова...

Думать, что людей съ такой подготовкой могутъ дать «никто иной, какъ сама армія», или военныя училища съ годичнымъ воспитательскимъ курсомъ — большое самообольщеніе. Корпуса

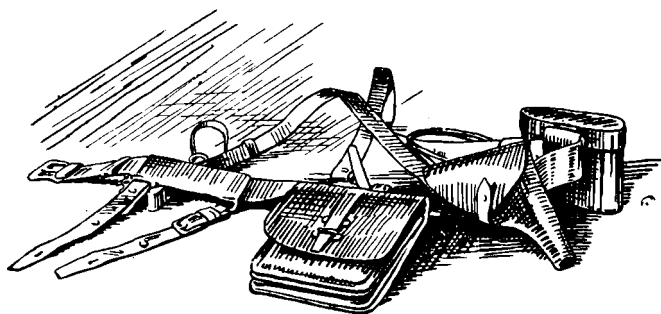
имѣють цѣлью воспитывать дѣтей, а не на дѣтяхъ практиковать подготовку воспитателей. Послѣднихъ имъ нужно дать болѣе или менѣе готовыми, не рассчитывая, что они свалятся сюда изъ рядовъ арміи, въ видѣ какихъ-то самородковъ, или что ихъ можно привлечь сюда расширеніемъ матеріальныхъ и особенно служебныхъ преимуществъ. Опытъ въ послѣднемъ направленіи уже былъ сдѣланъ въ 1883 г. и врядъ ли нужно еще повторять его, чтобы лишній разъ убѣдиться въ томъ, что «было много званыхъ, да мало избранныхъ»... Если бы это было не такъ, незачѣмъ было бы восстанавливать въ 1900 г. и поддерживать до сего времени воспитательскіе курсы въ Петербургѣ...

Чтобы привлечь въ корпуса такихъ работниковъ, опять повторю, нужно шире открыть двери педагогическихъ курсовъ, педагогической академіи, чего хотите, и пусть офицеръ, рѣшившійся «твердо и сознательно» посвятить себя педагогической дѣятельности, свободно входитъ туда. Хотя бы по окончаніи подготовки здѣсь, онъ и оставилъ ряды арміи, не поступилъ въ корпусъ воспитателемъ, его трудъ, время и средства, затраченные на такую подготовку, не пропадутъ даромъ: разъ онъ будетъ чувствовать призваніе къ педагогической дѣятельности, онъ найдетъ для себя соотвѣтствующее мѣсто на нивѣ воспитанія и образованія подрастающаго поколѣнія народа, лучшій цвѣтъ котораго теперь обязательно проходить черезъ ряды арміи; слѣдовательно, хотя и косвенно, офицеръ будетъ работать на пользу послѣдней. При этихъ условіяхъ военно-учебное вѣдомство, пропуская чрезъ имъ же руководимое высшее педагогическое учрежденіе офицеровъ, избирающихъ педагогическую дѣятельность, будетъ вѣрнѣе обеспечено въ числѣ и качествѣ воспитательскаго состава кадетскихъ корпусовъ, нижели въ томъ случаѣ, когда они будутъ приходить къ нему съ благословенія «товарищеской полковой среды» или по «выбору и аттестаціи строевого начальства», которыя—болѣе чѣмъ вѣроятно—далеко не всегда будутъ компетентны въ вопросахъ воспитанія, а, слѣдовательно, и въ оцѣнкѣ тѣхъ качествъ, коими должны обладать офицеры, какъ воспитатели.

И можно пожалѣть, что у насъ до сего времени нѣтъ еще именно такого высшаго педагогическаго заведенія, которое бы спеціально готовило учителей и воспитателей для корпусовъ и военныхъ училищъ. Мы имѣемъ нѣсколько военныхъ академій, нѣсколько офицерскихъ школъ, чтобы готовить знающихъ и прак-

тически опытныхъ работниковъ по всѣмъ отраслямъ дѣятельности арміи, и не имѣемъ военно-педагогической академіи, которая давала бы знающихъ педагоговъ для образованія и воспитанія военной молодежи, изъ среды которой потомъ и выходятъ работники арміи.

С. Станковскій.

АС.